

### с. Из иностранцев

1. Юлий Губер
2. Александр Морини
3. Александр Перре
4. Федор Иох

5. Иван Иох
6. Карл Браун
7. Георгий Гарвей

Инспектор профессор Иван Давыдов<sup>1</sup>

### СЛЕДСТВЕННОЕ ДЕЛО М. М. ДОСТОЕВСКОГО-ПЕТРАШЕВЦА

Следственное дело М. М. Достоевского-петрашевца ни разу не публиковалось. Оно хранится в ЦГВИА, ф. 801, оп. 84/28, № 55, ч. 36.

Вот перечень документов, входящих в его состав: 1) Письмо Л. В. Дубельта И. А. Набокову от 5 мая 1849 г. об аресте М. М. Достоевского и отправке его в распоряжение коменданта С.-Петербургской крепости (л. 1); 2) Рапорт состоящего при шефе жандармов по особым поручениям полковника Станкевича коменданту Петропавловской крепости генерал-адъютанту Набокову об аресте М. Достоевского и опечатании его бумаг. 6 мая 1849 г. (л. 2—3); 3) Показания М. М. Достоевского Следственной комиссии — 10 мая 1849 г. (л. 4—6 об.); 4) Письмо статс-секретаря кн. Голицына председателю Следственной комиссии И. А. Набокову о рассмотрении бумаг М. М. Достоевского 28 мая 1849 г. (л. 28); 5) Листы, озаглавленные: № 13. Достоевский — 2-й. Отставной прапорщик (включают в себя донесение Антонелли, показания свидетелей и обвиняемого — л. 8—13); 6) Предварительные вопросные пункты Следственной комиссии и ответы М. М. Достоевского (л. 14—28); 7) Предписание военного министра кн. Чернышева И. А. Набокову от 5 мая 1849 г. об освобождении из-под ареста А. М. Достоевского и арестовании М. М. Достоевского (л. 28); 8) Предписание военного министра кн. Чернышева И. А. Набокову от 24 июня 1849 г. об освобождении из-под ареста М. М. Достоевского (л. 30); 9) Подписка М. М. Достоевского о том, что он будет сохранять тайну о сделанных ему в Следственной комиссии допросах — 24 июня 1849 г. (л. 31).

Пагинация и брошюровка листов не соответствуют хронологии. Так, предписание военного министра Чернышева коменданту Петропавловской крепости Набокову от 5 мая 1849 г. об

---

<sup>1</sup> ЦГА Москвы, ф. 459, оп. 3, № 337, л. 12 об.—13. Эти и другие архивные материалы, использованные ниже, разысканы Б. В. Федоренко и подготовлены сотрудниками Ленинградского Музея Ф. М. Достоевского.

освобождении А. М. Достоевского помещено после показаний М. М. Достоевского, написанных, естественно, позже этой даты. Допрос М. М. Достоевского по вопросным пунктам предшествовал его показаниям от 10 мая 1849 г.

Из материалов «Дела об отставном инженер-подпоручике М. М. Достоевском» мы публикуем лишь главные — документы №№ 1, 6, 7, которые печатаются в хронологическом порядке.

М. М. Достоевский был, как известно, арестован позже других петрашевцев. С 23 апреля до 5 мая в заключении находился ошибочно арестованный вместо него его младший брат Андрей Михайлович.

В «Воспоминаниях» А. М. Достоевского подробно рассказывается об ошибочном аресте, допросе и, наконец, — желанном освобождении 5 мая 1849 г. (Достоевский А. М. Воспоминания. Л., 1930, с. 189—207).

В ночь на 23 апреля 1849 г. А. М. Достоевский, как и все петрашевцы, был доставлен в III отделение, а оттуда в 1 ч. 20 мин. — в Петропавловскую крепость в сопровождении поручика Климова; он был помещен в бастионе Зотова, в каземате № 1 (ЦГАОР, ф. 109, оп. 1, № 214, ч. 1, л. 78, 84). Ф. М. Достоевский, как следует из этого же документа, был отправлен в крепость в 11 час. 25 мин. при поручике Эке.

5 мая 1849 г. военный министр А. И. Чернышев отдал предписание Л. В. Дубельту «немедленно арестовать Михаила Достоевского и передать в распоряжение Секретной следственной комиссии». Там же в конце листа адрес: «Отставной прапорщик Михаил Достоевский на Литейном в доме Нелидова». Вдоль листа резолюция Дубельта: «Немедленно исполнить г. полковнику Станкевичу» (там же, ч. 24, л. 1 об.). На другой день, т. е. 6 мая 1849 г., комендант Петропавловской крепости Набоков «всеподданнейше доносил» императору, что Михаил Достоевский «помещен в каземате куртины между бастионами Трубецкого и Екатерины под № 7» (там же, ч. 56, л. 3). В этот же день состоялось 9-е заседание Следственной комиссии. В протоколах указано: «Допрашивали Достоевского 2-го. Отставной прапорщик. Бывал у Петрашевского и уверяет, что у него собирались только для веселья. Но потом просил разрешения припомнить и изложить их на бумаге» (там же, оп. 5, № 214, ч. 3, л. 126—127).

6-го же мая в комиссию поступили книги и бумаги М. М. Достоевского, опечатанные полковником Станкевичем во время ареста. Они были направлены в специальную комиссию по рассмотрению бумаг. Как следует из сообщения статс-секретаря А. Голицына от 28 мая 1849 г., «в бумагах отставного подпоручика Михаила Достоевского не оказалось ничего относящегося к известному делу, ниже заслуживающего внимания» (сохранился перечень этих бумаг: «Два патента на чины прапорщика и подпоручика; три метрических свидетельства за №№ 21, 35 и

36; два документа на немецком языке 1841 и 1847 годов за №№ 127 и 216, первый с переводом; указ об отставке за № 867; два предписания инспектора инженерного корпуса — одно от 28 октября 1847, № 2261, другое от 19 января 1848 года, № 8» (там же, ч. 24, л. 9).

Таким образом, М. Достоевский начал составлять свои письменные показания после первого допроса 6 мая и окончил их к 10 мая. Из материалов, озаглавленных «Показания обвиняемого» (л. 9—14) и представляющих канцелярскую сводку, полученную в результате допросов и письменных показаний М. Достоевского и других свидетелей, следует, что между 10 и 28 мая он был вызываем для устных расспросов (л. 13) и показал, что присутствовал на собрании у Петрашевского еще и 18 марта, а также дал несколько других незначительных показаний, дополняющих предшествующие.

Неполнота и отрывочность известных до сих пор сведений о деле М. Достоевского вызвала ошибочные предположения А. С. Долинина, Л. П. Гроссмана и других исследователей. В воспоминаниях А. М. Достоевского говорится об аресте М. М. Достоевского и исхлопотании ему — по инициативе высокопоставленных покровителей — 200 рублей денежного вспомоществования (Достоевский А. М. Воспоминания, с. 209). Эпизод этот показался исследователям загадочным и вызвал сперва осторожные вопросы, а затем и прямые утверждения: не оказался ли М. М. Достоевский нескромным в своих показаниях (см.: Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования. М., Изд-во АН СССР, 1935, стр. 506 (Лит. архив), а также первое издание биографии Достоевского Л. П. Гроссмана). При этом была упущена из виду оригинальная привычка Дубельта, памятуя об Иудиных серебряниках, выдавать доносчикам в награду денежные суммы, кратные тридцати. Документы ЦГВИА и ЦГАОР опровергают предположения Долинина. Следует отметить, что о 200 рублях возмещения, полученных при освобождении М. М. Достоевским, было прекрасно известно революционно настроенным современникам. Но у них не возникало никаких упреков по адресу М. М. Достоевского — наоборот, их возмущала мизерность этой суммы при бедственном положении его семьи (см. письмо А. А. Чумикова к А. И. Герцену от 9 августа 1851 г. — Литературное наследство, т. 62, М., 1955, с. 720).

Несмотря на установление полной невиновности и получение — с согласия Николая I — денежного пособия, Михаил Достоевский состоял с 6 июля 1849 г. под негласным надзором полиции (ЦГАОР, ф. 109, оп. 5, № 214, ч. 24, л. 14; ср.: П., I, 527). Надзор сохранялся за М. Достоевским до конца жизни. Сохранилось донесение полицейского агента от 13 июля 1864 г. о том, как проходили похороны М. М. Достоевского в Павловске (там же, оп. 1, № 72).

1. 5 мая 1849 г. Секретно.

Милостивый государь  
Иван Александрович!

Господин военный министр объявил мне повеление государя наследника цесаревича: вместо губернского секретаря Андрея *Достоевского*, который был арестован по ошибке, арестовать брата его, отставного прапорщика Михаила *Достоевского*.

В исполнение такового поручения я с сим вместе предписал корпуса жандармов полковнику Станкевичу, чтобы он, арестовав прапорщика *Достоевского* и опечатав все его бумаги и книги, представил его, вместе с сими бумагами и книгами, прямо к Вашему Высокопревосходительству.

Уведомляя о сем Ваше Высокопревосходительство, имею честь удостоверить Вас, милостивый государь, в отличном уважении и совершенной преданности

Л. Дубельт <Л. 1>

2. Г-ну Достоевскому.

На предлагаемые здесь высочайше учрежденною Следственною комиссиею предварительные вопросные пункты имеете объяснить по сущей справедливости, коротко и ясно:

1. Как Ваше имя, отчество и прозвание, сколько Вам от роду лет, какого вероисповедания и исполняли ли в надлежащее время предписанные религиею обряды? — Михаил Михайлов *Достоевский*, от роду имею 29 лет; вероисповедания православного; предписанные религиею обряды всегда исполнял в надлежащее время.

2. Кто Ваши родители и где они находятся, если живы? — Отец мой состоял на службе при Московской Мариинской больнице штаб-лекарем; скончался, будучи в отставке в чине коллежского советника в 1839 г., мать моя скончалась в 1837 г.; оба были вероисповедания православного.

3. Где Вы воспитывались, на чей счет и когда окончили воспитание? — Воспитывался в Москве в пансионе г-на Чермака на свой собственный счет; воспитание окончил в 1837 г.

4. Состоите ли на службе, когда вступили в оную, какую занимали должность и какой имеете чин; также не находились ли прежде сего под следствием или судом, и если были, то за что именно? — На службе в настоящее время не состою, но служил в корпусе полевых инженеров. В службу вступил в 1838 г. юнкером и был командирован в Ревель. В 1840 г. держал экзамен в С.-Петербурге при Главном инженерном училище и произведен в полевые инженер-прапорщики. Служил в этом

чине при Ревельской, Нарвской и Свеаборгской инженерных командах. В 1847 г. вышел в отставку по домашним обстоятельствам подпоручиком. Прежде сего ни под следствием, ни под судом никогда и нигде не находился. Все это подробно изложено в находящемся в бумагах моих Указе об отставке.<sup>1</sup>

5. Имеете ли недвижимое имение или собственные капиталы, а если нет, то какие имели Вы средства к пропитанию и содержанию себя и своего семейства, если его имеете? — Имею нераздельно с братьями Тульской губернии Каширского уезда 80 душ крестьян. Семейство свое, состоящее из жены и четверых детей, содержал собственными трудами, занимаясь литературою и давая уроки, и частью из дохода с вышеуказанного имения.<sup>2</sup>

6. С кем имели близкое и короткое знакомство и частые сношения? — Находясь не так давно в Петербурге (года полтора), я, кроме трех братьев своих, ни с кем близкого и короткого знакомства и частых сношений не имел; но был довольно хорошо знаком с г-ами Плещеевым, Пальмом, Дуровым.<sup>3</sup>

7. Какие были Ваши сношения внутри государства и за границую? — Внутри государства имел письменные сношения с слу-

---

<sup>1</sup> В Конduitном списке Ревельской инженерной команды М. Достоевский числится под № 4; указано, что в службу он вступил 25 января 1838 г. (ЦГВИА, ф. 827, оп. 8, № 132). Дальнейшее продвижение по службе отражают документы: Формулярный список о службе и достоинстве Свеаборгской инженерной команды полевого инженер-прапорщика Достоевского от 1 сентября 1847 г. (там же, № 1224). 9 января 1841 г. М. Достоевский переведен в полевые инженер-прапорщики (см. дело о производстве М. Достоевского в инженер-прапорщики от 27 февраля 1841 г. — ЦГАОР, ф. 312, оп. 1, № 2012): в Ревельскую инженерную команду определен 25 апреля 1838 г., в Нарвскую — 18 января 1841 г. (прибыл к месту службы 14 февраля), вновь переведен в Ревельскую команду 22 марта 1841 г. и в Свеаборгскую — 11 мая 1847 г. Указ об отставке М. Достоевского датирован 5 октября 1847 г. (приказ генерал-инспектора по инженерной части от 14 октября 1847 г. — ЦГВИА, ф. 312, оп. 2, № 1844).

<sup>2</sup> В формулярном списке М. Достоевского указано, что в имении числится 87 душ (ЦГВИА, ф. 827, оп. 8, № 1224). О бедственном положении дел в имении свидетельствует переписка супругов Карепиных с братьями Достоевскими. 14 июля 1848 г. В. М. Карепина сообщает А. М. Достоевскому, что долг в Опекунский совет составляет около двух тысяч и Черемошню грозятся продать. «С деревни последний год не получали никакого дохода», — пишет она весной 1849 г. (ИРЛИ, ф. 56, оп. 1, № 82, л. 32). 1 июля 1849 г. П. А. Карепин переслал на имя А. М. Достоевского 75 р. серебром с просьбой поделить между Михаилом, Николаем и собою (там же, л. 35 об.). Возник вопрос о продаже имения и разделе вырученной суммы между совладельцами, но из-за несовершеннолетия младшей из совладелец — Александры Михайловны (р. 1835 г.) — продажа имения оказалась невозможной (см.: Достоевский и А. М. Воспоминания, с. 184).

<sup>3</sup> С А. Н. Плещеевым (1825—1896) и А. И. Пальмом (1823—1885), посетителями кружка С. Ф. Дурова (1816—1869), М. М. Достоевский познакомился через брата Федора. При допросах эти лица также назвали М. Достоевского в числе своих хороших знакомых (Дело петрашевцев, т. III. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1956, с. 194, 272, 308).

жащим в Москве при тамошнем военном генерал-губернаторе обер-аудитором шурином и опекуном моим по нашему имению Петром Андреевичем Карепиным.<sup>4</sup> За границею ни с кем никаких сношений не имел.

8. Давно ли вы знакомы с Петрашевским? — Находясь в Петербурге не так давно, я познакомился с г-ном Петрашевским с зимы 1848 г.<sup>5</sup>

9. Что Вас побудило познакомиться с Петрашевским? — Познакомился с ним случайно через брата.

10. Часто ли Вы посещали вечера его? — С начала зимы и то весьма редко; в последнее время перед арестом только один раз.

11. Сколько бывало людей на вечерах этих и кто из них постоянно посещал эти вечера? — При мне бывало от десяти до двадцати; с некоторыми я вовсе не знаком и имен не знаю; знал же брата Федора, Майкова, Львова, Григорьева, Дурова, Пальма, Чирикова, Спешнева, Дебу.<sup>6</sup>

12. Объясните, о чем говорилось на собрании у Петрашевского 18 марта? — В марте месяце я не был у Петрашевского, и мною уже сказано, что перед арестом я был один только раз, 22 апреля.

13. Известно, что в собрании у Петрашевского, 22 апреля, Петрашевский говорил о том, каким образом должны поступать литераторы, чтоб поселять свои идеи в публике. Дуров возражал Петрашевскому и, между прочим, объяснил, как должно действовать на цензоров, чтоб из множества идей, хоть одна проскочила. Сделайте об этом объяснение. — Сколько я запомню, Петрашевский сожалел о том, что в литературе нашей нет содержания и никакой идеи; но что за идеи он не объяснил, а сказал, что литераторам нужно учиться, тогда они сами узнают, какое

---

<sup>4</sup> П. А. Карепин (1796—1851) — муж Варвары Михайловны Достоевской, с 1840 г. опекун имения Достоевских. По списку от 1 декабря 1848 г. П. А. Карепин числится обер-аудитором при военном генерал-губернаторе Москвы А. А. Закревском (см.: Адрес-календарь. Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи. СПб., 1827 — прод. на 1849 г., ч. I).

<sup>5</sup> В. Р. Лейкина в своей книге «Петрашевцы» (М., 1924, с. 116) указывает более раннюю дату — зима 1847 г. Н. Ф. Бельчиков в работе «Показания Ф. М. Достоевского по делу петрашевцев» указывает, что знакомство М. М. Достоевского с Петрашевским состоялось осенью 1847 г. на квартире у Ф. М. Достоевского (Красный архив, 1931, т. II, с. 138). Этому соответствуют показания Ф. М. Достоевского: «Брат мой Михайло Достоевский познакомился с Петрашевским <...> когда жил со мной вместе по приезде из Ревеля» (Н. Ф. Бельчиков. Достоевский в процессе петрашевцев. М., изд-во «Наука», 1971, с. 125).

<sup>6</sup> Поскольку Комиссии, как явствует из вопросов 14 и 16, было известно о собраниях у Дурова и обеде у Спешнева, М. Достоевский перечисляет лишь тех посетителей Петрашевского, которых он встречал и у Дурова. Кроме них он называет только Н. М. Чирикова, квартировавшегося у Петрашевского и потому знакомого всем, и И. М. Дебу, которого называет в числе своих знакомых и Ф. М. Достоевский (там же).

содержание должно быть в литературе. Не Дуров, но Петрашевский говорил, что, требуя от цензоров отчета, и того, на основании каких правил или постановлений они так действуют, можно бы получать некоторые льготы для литературы.<sup>7</sup> Вообще из слов Петрашевского я видел, что он говорит как человек, совершенно не знающий дела литературного. Вот все, что припоминаю из его разговора.

14. Бывали ли Вы на собраниях у Спешнева, Кашкина, Кузьмина, Дурова, Данилевского, и не было ли подобных собраний и у других лиц? — Из показанных лиц знаком только с Дуровым, у которого я и бывал на вечерах, где изредка занимались литературою и постоянно музыкаю.

15. Кто еще посещал эти собрания и чем там занимались? — У Дурова встречал я брата Федора, Пальма, Шелкова,<sup>8</sup> Григорьева, Спешнева, Кашевского<sup>9</sup> и несколько других, имен которых не припоминаю теперь; занятий политических не было<sup>10</sup> вначале; с пятого же вечера Филиппов сделал предложение писать статьи для распространения их в публике, так что на шестой вечер наши мирные сходки начали принимать характер *политический*. Я, посоветовавшись с братом и Пальмом, решился *восстать против* этого и затушить эту начинавшуюся глупость. И потому прямо объявил всем, что я, согласившись на участие в литературных и музыкальных вечерах, не имею согласия и решительно *не намерен участвовать ни в чем имеющем политическую цель*. Мне показалось, что предпринятое намерение было тут же оставлено.<sup>11</sup> В день перед последним вечером я имел с братом моим еще разговор обо всем этом и решительно сказал

---

<sup>7</sup> Спрошенный об этом же С. Ф. Дуров показал: «Я, собственно, положительно утверждал, что цензора преследуют более фразы и слова, нежели сами идеи, если только идеи верны и ничьей личности не затрагивают, а этого весьма достаточно для художественного произведения. Если иногда случается, что цензор, не вникнув в смысл вещи, черкает статью, то мы имеем полную возможность объясниться с ним лично, высказать ему, в чем дело, и убедить его быть снисходительней» (Дело петрашевцев, т. III, с. 199).

<sup>8</sup> Шелков Алексей Дмитриевич (р. 1825) — сожитель Дурова и Пальма; принимал участие в кружке и присутствовал на обеде у Спешнева, когда Н. П. Григорьев читал «Солдатскую беседу». Освобожден из-под ареста 6 июля 1849 г. с отдачей под секретный надзор (см.: ЦГАОР, ф. 109, оп. 5, № 214, ч. 20).

<sup>9</sup> Кашевский Николай Адамович (р. 1820) — чиновник морского министерства, музыкант. Подвергался допросу 1 августа 1849 г.

<sup>10</sup> Следующие далее в этом пункте слова были добавлены М. Достоевским позднее.

<sup>11</sup> В заключении Следственной комиссии по поводу деятельности кружка Дурова сказано: «... когда явно обнаружилось, что цель их «вечеров Дурова, — *ред.*» изменяется, то Достоевский — 2-й, Пальм и некоторые другие признали необходимым их прекратить» (Петрашевцы. М., 1907, с. 131). См. также показания В. А. Головинского о вечерах Дурова (Дело петрашевцев, т. III, с. 229—230).

ему, чтоб и он, с своей стороны, старался затушить все это, на что он изъявил полное свое согласие, называя все это пустою болтовнею.

16. Вы были на обеде у Спешнева. Объясните, что происходило замечательного на этом обеде? — На обеде у Спешнева была читана статья Григорьевым: «Солдатская беседа». Чтения этого я вовсе не ожидал и признаюсь, оно произвело на меня такое неприятное впечатление, что я просил Григорьева уничтожить свое сочинение.

17. Если вам что-либо известно в отношении к злоумышлению, которое бы существовало и вне обозначенных соображений, то обязываетесь все то показать с полною откровенностью? — Относительно злоумышлений никогда ничего не слышал.

18. Объясните, когда и каким образом вы познакомились с Черносвитовым? — Видел его один раз у Петрашевского, но знаком с ним не был.

19. Есть показания, что разговоры Черносвитова на вечерах у Петрашевского внушили мысль, что он шпион. Произвел ли Черносвитов и над вами такое впечатление? — Я заметил только, что Черносвитов говорил необыкновенно хорошо и что он по дару слова человек замечательный. Что же касается до мысли, что он шпион, я слышал ее вскользь, но сам не вывел такого заключения.<sup>12</sup>

20. Что вы знаете об учителе Белецком? — Ничего и даже фамилии не знаю.<sup>13</sup>

Во всех сих ответах моих на предложенные мне вопросные пункты написал я сущую истину и ничего более прибавить не имею; в чем и подписуюсь.

Отставной инженер-подпоручик Достоевский (Михаил Михайлов) <Л. 14—28>.

### 3. Показания Михаила Достоевского.

О пятницах г-на Петрашевского я не могу произвести правильного суждения. Только тот, кто постоянно или часто посещал их, может высказать о них свое мнение, не погрешив перед судом своей совести и чести. Я же, как я уже имел честь объ-

<sup>12</sup> О том, что Черносвитов Рафаил Александрович (р. 1810) — шпион, М. Достоевский слышал прежде всего от своего брата, Федора (см. об этом: Бельчиков Н. Ф. Достоевский в процессе петрашевцев, с. 146—148. Здесь приведены слова Ф. М. Достоевского: «...мне кажется, что Черносвитов просто шпион»). В. И. Семевский указывает, будто такое подозрение возникло впервые у М. Достоевского (Семевский В. И. М. В. Бутаевич-Петрашевский и петрашевцы, ч. I. М., 1922, с. 190).

<sup>13</sup> Белецкий Петр Иванович (р. 1819) — к указанному времени учитель истории во II Кадетском корпусе. Освобожден 9 июля 1849 г. с запрещением преподавать в учебных заведениях (см. о нем: Бельчиков Н. Ф. Достоевский в процессе петрашевцев, с. 235).



явить Следственной комиссии, бывал на этих пятницах весьма редко, а в последние три месяца вовсе перестал посещать их. Одно частное место, которое мне удалось получить, заняло все мои утра, так что только по вечерам я мог предаваться литературным занятиям, составляющим главный источник моих доходов.<sup>14</sup> Таким образом, я по необходимости должен был отказаться от всех лишних посещений. Только случайность заставила меня вспомнить об этих пятницах; мне крайне нужно было говорить с братом. В надежде увидеться с ним, я пошел к г-ну Петрашевскому. Если не ошибаюсь, это было 22 апреля.

Но брата там не было. Из знакомых я нашел там одного только Дурова, с которым мы уселись поодаль от других и поговорили с ним до тех пор, пока Петрашевский не начал говорить о нашей литературе.

Я должен признаться — и это не какая-нибудь увертка с моей стороны, а факт — я должен признаться, что, вследствие более нежели десятилетней привычки читать все про себя, я плохо слушаю то, что мне читают или слишком длинно рассказывают, и если рассказчик или чтец не умеет завлечь моего внимания блистательным исполнением, я обыкновенно начинаю тогда задумываться о предметах совершенно посторонних. Петрашевский же вовсе не обладает даром слова. Когда он что-нибудь рассказывает так просто, без всяких претензий на возбуждение всеобщего внимания, он говорит стройно, плавно и часто прекрасно; но, если он начинает развивать какую-нибудь тему, если, одним словом, готовится говорить длинно и долго, то, кажется, он чувствует какую-то неловкость: то запинается на каждом слове, то без меры вытягивает слова, то беспрестанно повторяет уже сказанное. Следить за этим нет никакой возможности. Среди скуки и зевоты, которою заражает его спотыкающаяся речь, можно уловить разве только какую-нибудь отдельную фразу или мысль.

Признаюсь, когда речь зашла о литературе, я напрягал все свое внимание, чтобы вникнуть в смысл того, что хотел сказать о ней г-н Петрашевский. Но мое ли неумение слушать или же неумение г-на Петрашевского говорить, только слова его оставили во мне самое смутное и сбивчивое впечатление. При допросе я показал то только, что мог припомнить и в чем был твердо уверен. О всем же прочем, что не было возведено у меня в сознательное воспоминание, я должен был или молчать, или говорить ни да ни нет. Что я и сделал.

---

<sup>14</sup> После выхода в отставку (14 октября 1847 г.). М. Достоевский жил в основном литературным трудом. За время, протекшее с момента отставки до ареста, были опубликованы следующие произведения: перевод «Рейнеке Лис» Гете, повести «Дочка» и «Господин Светелкин», рассказ «Воробей» («Отечественные записки», 1848, №№ 1, 8, 10 и 11), а также статья «Сигналы литературные» («Пантеон», 1848, № 3).

Теперь же, когда я должен отдать отчет в последнем сказанном мною слове, я стараюсь припомнить все, что было говорено мне в этот вечер. По догадкам, родившимся во мне при допросе, я заключаю, может быть и не основательно, что разговор, на котором я присутствовал в пятницу 22 апреля, был продолжением разговора, веденного в одну из предыдущих пятниц.<sup>15</sup> Вот почему, может быть, и темен для меня смысл его, а так как я слушал его не для того, чтоб помнить или возражать, то многое в нем и пропустил без внимания. Теперь только вспоминаю, что после изложения того, как бы следовало издавать журнал, и выгод, какие представляет такой способ издания, г-н Петрашевский изъявил сожаление, что современная литература наша не представляет никакого содержания и что в ней нет никакой идеи. Дуров или я, не помню хорошенько, кто из нас, спросили его, что он понимает под содержанием и какие идеи должна проводить наша литература? На это он отвечал, что литераторам нашим не достаёт эрудиции, что они должны учиться, что тогда они сами будут знать, какое содержание необходимо для литературы; что Ж. Санд и Е. Сю люди прежде всего ученые, что историю они знают, как никто из нас не знает; что и он, и мы знаем, что  $2 \times 2 = 4$  и Остроградский<sup>16</sup> знает, что  $2 \times 2 = 4$ , но между его знанием математики и нашим большая разница. Я не стал с ним спорить и просил его прийти скорее к заключению.

Я потому не стал с ним спорить, что мой взгляд на литературу как на искусство диаметрально противоположен с тем, какой высказал г-н Петрашевский в этот вечер. Мое мнение — и это мнение я разделяю, сколько мне известно, со всеми знакомыми мне литераторами, — состоит в том, что искусство должно быть чистым искусством, что оно не должно подчиняться идеям, а в художественных образах воспроизводить действительную жизнь так, как она есть. Иначе это будут не произведения искусства, а вялые диссертации на заданную тему. Лица в них не будут живыми лицами, а какими-то бесцветными силлогизмами, сухими цифрами, которыми автор будет силиться доказать свою задачу. Опыт удостоверяет в справедливости моего мнения. Все литературные произведения, цель которых не живое представление действительности, а разрешение какой-нибудь психологиче-

---

<sup>15</sup> О цензуре у Петрашевского говорили 1 апреля; по словам агента Антонелли, Петрашевский признавал относительную полезность цензуры (см., например: Дело петрашевцев, т. III, с. 196—197).

<sup>16</sup> Остроградский Михаил Васильевич (1801—1861) — математик, с 1830 г. — ординарный академик Российской академии наук, преподаватель математики в специальных учебных заведениях, в том числе Главном Инженерном училище (с 1840 г.) и в Артиллерийском училище (с 1841 г.). См. о нем: Сомов О. И. Очерк жизни и ученой деятельности М. В. Остроградского. — «Записки Академии наук», 1863, т. 3, кн. 1; Гнеденко Б. В. М. В. Остроградский. Очерки жизни, научного творчества и педагогической деятельности. М., 1952.

ской или общественной задачи, — вялы и бесцветны. Отчего те романы, в которых Ж. Санд является просто художником, целомудренным живописцем жизни и людей, гениальны, и отчего нельзя сказать того же о тех произведениях этой писательницы, где она является философом? Жизнь вечна, а идеи мрут и меняются вместе с поколениями: оттого одни произведения вечны, а другие, написанные под влиянием господствующих идей века, эфемерны.

Я с намерением упоминаю о своем взгляде на литературу с тою целью, чтоб показать, что мы бы вероятно не согласились в нем с г-ном Петрашевским, а потому и входить в спор с ним об этом было бы совершенно попустому. Я с самого начала заметил, что г-н Петрашевский плохой критик в деле литературы. Сверх того представлялся гораздо лучший способ убедить его, что он говорит как человек, совершенно не знающий ни настоящего положения нашей литературы, ни ценсурных установлений. Вот почему, как только перестал он говорить, я сказал ему: «Положим, что нашлись бы у нас литераторы достаточно ученые и нечуждые современных идей... положим это — спрашивается теперь, как станут они выражать их в литературных произведениях?» «Надобно сперва знать, что выражать», — отвечал он. «Вы меня не поняли, — заметил я, — я говорю о ценсуре» ... Тут завязался разговор, который я уже имел честь довести до сведения Следственной комиссии.

Дуров возражал в этом же роде, но слов его, сколько ни стараюсь, припомнить не могу, тем более что лишь только Петрашевский перестал говорить, всеобщее молчание нарушилось, все встали с своих мест, со всех сторон поднялись возражения, замечания и главный спор раздробился в несколько споров: разговор сделался перекрестным, и я перестал принимать в нем участие. В эту же минуту подали ужин, после которого я немедленно ушел домой.

Вот все, что я могу припомнить об этом вечере. Вообще на этих вечерах мне было скучно: доказательство, что я посещал их весьма редко, а в последние три месяца, а может быть даже и больше, — вовсе перестал на них являться. Уж по своему характеру я не люблю споров. Не обладая даром слова и не сознавая в себе нисколько таланта привлекать всеобщее внимание, я *никогда* и *ничего* не говорил, не читал там во всеуслышание, и если б в последний вечер речь была не о литературе — предмете, для меня наиболее интересном, — если б, кроме Дурова и меня, был тут еще кто-нибудь из литераторов, то я и не вмешался бы в общий разговор. Зашел я на этот вечер случайно, ушел раньше всех, и если все говорить, то даже раскаивался потом дорогой в том, зачем принимал участие в разговоре, потому что чувствовал, убедить я не убедил, а только вынес из всего этого неприятное впечатление.

В заключение скажу, что я готов, если только Комиссии будет угодно это, высказаться весь перед нею, высказать и мнения свои и свой взгляд на жизнь и вещи, одним словом, я готов со всею искренностью честного человека высказать ей все, о чем я размышлял и задумывался. Я не побоюсь этого, потому что чувствую себя невиновным.

Теперь одна всепокорнейшая просьба и, признаюсь, я высказываю ее с чувством страха и нерешительности. Я оставил жену свою в страшном, отчаянном положении. Она недавно разрешилась от бремени и сама кормит.<sup>17</sup> Несчастье, обрушившееся надо мною, может иметь на нее губительное влияние. Сверх того, мы люди бедные. Кроме рук моих и труда у семейства моего нет других средств к пропитанию. Если я уж не могу быть возвращен теперь семье своей, то да позволено мне будет, по крайней мере — и я прошу об этом с чувством надежды — уведомить жену свою о себе,<sup>18</sup> успокоить ее и сколько-нибудь утешить. Вот уже шесть дней, как я в заключении, и в эти шесть дней<sup>19</sup> среди тоски и скуки, без книг, без всякого умственного развития, я ни на минуту не могу отрешиться мыслью от своего семейства и от забот о его положении. Мне самому было бы благодетельным утешением хоть что-нибудь узнать о нем.

С чувством страха, но вместе и надежды, представляю я эту покорнейшую просьбу мою благосклонному вниманию Следственной комиссии.

Отставной инженер-подпоручик Михаил Достоевский.

10 мая 1849 г. <Л. 4—6 об.>.

О. Г. ДИЛАКТОРСКАЯ

## ДОСТОЕВСКИЙ И БОМАРШЕ

У Достоевского нет прямых высказываний о Бомарше. Не находим мы произведений французского комедиографа и в перечне книг писателя, прокомментированном Л. П. Гроссманом.<sup>1</sup>

<sup>17</sup> К моменту ареста М. М. Достоевский был единственным кормильцем большой семьи. Старшему сыну его Феде (Ф. М. Достоевский-младший, 1842—1906) было неполных семь лет, дочери Марии (1843—1888) — шесть, около трех лет сыну Михаилу (М. М. Достоевский-младший, 1846—1896) и четыре месяца дочери Надежде (умерла в младенчестве).

<sup>18</sup> До июля 1849 г. всем арестованным была запрещена переписка с родными; очевидно, М. Достоевскому отказали в этой просьбе. Некоторые сведения о муже Э. Ф. Достоевская могла получить в III отделении, куда ее вызвали 31 мая для возвращения документов, отобранных у мужа при аресте (ЦГАОР, ф. 109, оп. № 5, 1849 г., № 214, ч. 24, л. 10).

<sup>19</sup> Ошибка М. М. Достоевского: он был арестован 5 мая, следовательно, даже считая день ареста, прошло к этому времени пять дней.

<sup>1</sup> См.: Гроссман Л. П. Библиотека Достоевского. Одесса, 1919.